# Последний жилец

*Детективный роман*

# Оглавление

1. Ключи ..... 3
2. Двенадцать квартир ..... 12
3. Памятник без могилы ..... 21
4. После половины седьмого ..... 30
5. Сначала поешь ..... 39
6. Чужая подпись ..... 48
7. Разговор у проходной ..... 57
8. Подрядчик ..... 66
9. Тетрадь в клетку ..... 75
10. Второе имя ..... 83
11. Семейная фотография ..... 91
12. Лестница в кладовую ..... 100
13. Плохая версия ..... 109
14. Деньги на крышу ..... 118
15. Человек с сумкой ..... 126
16. Не твоя квартира ..... 135
17. Снимок без даты ..... 144
18. Лист под листом ..... 152
19. Кому возвращают ключи ..... 161
20. Последний взнос ..... 168
21. Письмо без ответа ..... 176
22. Две ведомости ..... 184
23. Чужая память ..... 192
24. Вчерашний ужин ..... 200
25. Стекло ..... 208
26. Сборы ..... 214
27. Последний жилец ..... 222
28. Восьмая квартира ..... 230
29. Когда просыпаются ..... 238
30. Новый адрес ..... 245

Глава 1

# Ключи

Ключ не поворачивался, потому что дверь тянули на себя.

— Отпустите ручку, — сказала Даша Кострова.

Молодой человек с папкой убрал ладонь. Замок щёлкнул. Даша вынула ключ и показала ему: один длинный, второй маленький, от нижнего замка, которым давно не пользовались.

— Эти два. Больше у меня нет.

— В акте укажем.

Он придержал дверь плечом и потянулся к выключателю. Свет не зажёгся. На лестнице Татьяна Еремеева уже объясняла, что электричество отключили на прошлой неделе, она всех предупреждала, только Антону, конечно, никто ничего не передал.

Даша шагнула через порог первой.

Папка ударилась о косяк. Молодой человек нагнулся собирать листы, но Даша сказала ему не входить. Сказала негромко, и он не сразу понял.

В комнате, возле стола, лежал мужчина.

• • •

К приезду Елены Пахомовой возле дома уже спорили о том, кто должен поставить ограждение.

Сотрудник патрульной службы требовал убрать людей со ступеней. Двое рабочих уверяли, что получили задание снимать уцелевшие оконные рамы и про квартиру ничего не знают. Один держал лом. Елена представилась, попросила положить инструмент в машину и записала фамилию старшего.

— Мы сюда только подъехали, — повторил тот.

— Это и скажете. Сейчас отойдите за ленту.

Дом стоял торцом к улице, за голыми кустами сирени. Три этажа, два подъезда. Над первым ещё держался металлический козырёк; над вторым остались две ржавые тяги. В окне наверху торчала полоска занавески. Ветер втягивал её внутрь и снова выпускал наружу.

Виктор Кольцов вышел из соседнего магазина с женщиной в зелёном фартуке. Он заметил Пахомову, показал два пальца: две минуты. Женщина говорила быстро, всё пыталась развернуться к витрине. Виктор не удерживал её за рукав, только слушал, чуть наклонив голову.

Елена прошла к подъезду. Возле стены стояли три человека: тот самый молодой сотрудник подрядчика, женщина с хозяйственной сумкой и Даша Кострова. Даша была в короткой куртке поверх синего медицинского костюма. На одной штанине темнело круглое мокрое пятно. Она держала ключи так крепко, что металлическое кольцо вдавилось в палец.

— Кто обнаружил?

Молодой человек поднял руку, словно в школе, и сразу опустил.

— Мы вместе. Она открыла. Я за ней… Я не заходил далеко.

— Фамилия?

— Крылов Антон. Я от подрядной организации. Приём помещений, вот документы.

Он протянул папку. Елена пока не взяла её.

— Кто ещё входил после вас?

— Я, — сказала женщина с сумкой. — Еремеева Татьяна Ивановна. Потом ребята из полиции. Дашенька, отдай ей ключи, у тебя рука уже белая.

Даша разжала пальцы, но ключи не отдала.

— Врачи были?

— Бригада уехала, — ответил патрульный. — Смерть констатировали. Ничего не передвигали. Я фамилии записал.

Елена попросила показать, где прошли медики и что успели проверить. Татьяна начала отвечать за него. Он вежливо, но твёрдо остановил её: видел сам.

— Хорошо. Дальше по одному, — сказала Пахомова. — Мне важно, что делал каждый.

Даша посмотрела на дверь подъезда.

— Мне на работу надо позвонить.

— Позвоните. Затем останьтесь здесь.

— Она в процедурном, — объяснила Татьяна. — Там люди с утра натощак сидят. Я заведующей скажу, у меня номер есть.

Даша достала телефон.

— Я сама.

• • •

Восьмая квартира находилась на первом этаже справа. Перед входом криминалист Ирина Беляева ставила переносной светильник. Провод мешал двери закрыться; она отодвинула аккумулятор и кивнула Елене на чистый участок пола.

— Пока этой дорожкой. Остальное не проверили.

Пахомова надела перчатки, бахилы, посмотрела на часы. Девять сорок семь. Видеозапись уже шла. Согласие собственницы на осмотр было получено и оформлено; удостоверение личности Даша вытащила из прозрачного кармашка вместе с поликлиническим пропуском.

В квартире пахло мокрой одеждой и давно закрытым помещением. В прихожей оставался шкаф без дверок. На верхней полке лежала одинокая варежка, детская, с вышитым домиком. У стены стояли две картонные коробки. Елена обошла их, не заглядывая внутрь.

Мужчина лежал боком между столом и старым диваном. Голова оказалась у ножки стола, одна рука была вытянута вперёд. На ногах — носки и тёмные полуботинки. Куртка висела на спинке стула. На воротнике свитера запеклась кровь.

Михаил Савельев сидел на корточках по другую сторону тела. Его чемодан стоял открытым, инструмент был разложен на чистой подложке. Он поднял глаза на Елену и показал, где можно встать.

— Когда?

— Не сейчас, Лена.

— Предварительно.

— Предварительно здесь холодно, окно неплотное, батареи выключены. Дайте мне закончить наружный осмотр.

Она кивнула. Он снова наклонился к мужчине.

На столе стояли два стакана. В одном на дне оставалась коричневая жидкость; край другого был сухим. Между ними — термос с пластиковой крышкой. Пахомова посмотрела на пустую розетку над плинтусом. В квартире никто не мог вскипятить электрический чайник, но чай здесь пили.

Она сказала это Беляевой. Та сняла общий вид стола, затем каждый предмет отдельно. На листе блокнота под стаканом виднелись косые вмятины, будто писали на верхней странице, которой больше не было. Елена не попыталась прочитать их под фонариком. Блокнот ещё предстояло изъять, сохранив поверхность.

— Здесь, — позвала Ирина.

У ножки стола лежал прозрачный осколок, меньше ногтя. В направленном свете одна сторона блеснула. Рядом тянулся смазанный след подошвы, пересечённый уже более свежим краем бахилы.

— Чей?

— Сейчас установим, кто здесь стоял. Медики, патрульные, обнаружившие. И где вы стоите, тоже запишем.

Елена отступила на разрешённую дорожку.

В комнате было тесно. За спиной работал осветитель, Савельев просил не заслонять ему свет, в прихожей кто-то сообщал по рации номер машины. От этого квартира казалась действующей: будто прежние жильцы просто ушли на кухню, оставив незнакомым людям передвигать мебель. Только всё,

что здесь можно было взять без усилий, уже вывезли. На стенах остались светлые прямоугольники.

— Документы? — спросила Елена.

— Пока нет, — ответила Беляева. — Карманы осмотрим последовательно. Куртка ещё не тронута.

В нагрудном кармане куртки оказались сложенные очки в мягком чехле. Обычные мужские, для чтения. В другом — автобусный билет без фамилии и три бумажные салфетки. На полу возле дивана стоял небольшой дорожный рюкзак. Его содержимое фотографировали по мере извлечения: бельё, бритвенный станок, упаковка таблеток, зарядное устройство.

Самого телефона не было.

Пахомова попросила проверить пространство под диваном прежде, чем делать из отсутствия вывод. Ирина направила туда маленькую камеру. Под диваном лежали пыль, пластиковая крышка от бутылки и пуговица.

— Может быть, в другой комнате, — сказала она.

Елена записала: «Телефон при первичном осмотре не обнаружен». Рядом поставила время.

Савельев выпрямился и осторожно размял спину.

— Повреждения головы. Не один поверхностный удар. Причину смерти установим после исследования. По этим ранам я вам предмет не назову.

— На падение похоже?

— Я сказал, что вижу. Снимем, исследуем, сопоставим. Не торопите меня выбирать вам версию.

Елена посмотрела на край стола. Он был деревянный, закруглённый. На стене рядом не было того, что она ожидала увидеть. Она остановила эту мысль и попросила продолжать.

• • •

Кольцов ждал её на лестнице. Продавщица принесла из магазина складной табурет для Даши, но та не села. Татьяна укутала ей плечи большим шарфом поверх куртки. Теперь шарф лежал на подоконнике.

— По магазину камеру смотрю, — негромко сказал Виктор. — Владелец будет через полчаса. Продавщица сама запись не выгрузит. С дороги кусок двора попадает, подъезд полностью не виден.

— Нужны вчерашний день и ночь. И кто здесь жил после расселения.

— Все говорят — никто. Обычно это значит: никто, кого они считают жильцом.

Елена передала ему сведения о телефоне, попросила установить, не брал ли кто-то аппарат до приезда полиции. Отдельно — рабочих и Крылова, отдельно — женщин. Он не стал спрашивать, почему отдельно.

— Снос на сегодня?

— Нет. Приём ключей. Потом обследование, подготовка. Рабочие приехали за рамами из первого подъезда. Старший уже звонит, что мы им день сорвали.

— Пусть звонит. Про доступ в дом — через нас.

Пахомова вышла к женщинам. Даша всё-таки говорила по телефону. Елена расслышала: «Нет, не пациент. Я не на работе». Потом Даша замолчала, слушая ответ, и отключилась, не попрощавшись.

— У вас в квартире оставались вещи?

— Диван. Стол. То, что увидели. Коробка фурнитуры, банки на кухне. Я должна была сегодня решить, что выкинуть.

За спиной у Елены Крылов перелистывал папку. Бумага шуршала всё быстрее. Он нашёл нужный лист и протянул его через её плечо Даше.

— Тут только дату и вашу подпись. Что ключи приняты. А по происшествию потом отдельно, это ведь не к акту.

Даша автоматически протянула руку. Пахомова встала между ними.

— Что именно она сейчас подтверждает?

— Передачу освобождённого помещения. Без претензий к состоянию... То есть претензии наши, не её. У меня форма такая.

— Прочитайте полностью.

Антон посмотрел на лист. На третьей строке запнулся. В квартире, согласно напечатанному тексту, не должно было оставаться людей и личного имущества. Он поднял глаза на дверь подъезда.

— Мне начальник сказал собрать все подписи до обеда.

— Сообщите ему, почему не получается.

— Он скажет, что я не умею разговаривать.

Татьяна взяла папку за нижний угол, но не потянула к себе.

— Антоша, позвоните при мне. Я объясню. Вы вчера все акты перепечатали из-за площади в четвёртой, никто на вас не ругался.

— Ругался. Просто не при вас.

Он вдруг побледнел и сел прямо на ступеньку. Елена подумала, что придётся снова вызывать врачей, но молодой человек показал на папку.

— Там пятно. Я её положил. У порога, когда скорую набирал. Это не…

Беляева вышла на его голос. Крылов передал ей бумаги, стараясь держать за самый край. Пятно оказалось ржавой водой: папка коснулась нижней петли входной двери. Ирина всё равно сфотографировала его и спросила, на какие листы Антон потом наступил. Он показал. Перестал торопить Дашу с подписью.

Пахомова попросила его вспомнить последовательность ещё раз, с момента звонка в квартиру. Он рассказал без прежних предположений о бродяге: ключ, выключатель, упавшие листы, Дашино «не входите». Это заняло три минуты. К концу рассказа он уже мог смотреть на подъезд.

Елена вернулась к Даше.

— Кто мог войти?

Татьяна ответила прежде неё:

— У меня ключ. Для передачи, Даша сама оставляла. Мы на прошлой неделе ходили, проверяли окна. И у неё комплект. Соседи могли…

— Я спрашиваю, у кого были ключи, — перебила Елена. — Не кто мог.

Еремеева прижала сумку к животу.

— У меня. У Даши. Про остальных не знаю.

— Ваш комплект сейчас где?

— В сумке.

— Не доставайте пока.

Татьяна послушно убрала руку от застёжки. Даша смотрела на неё, потом перевела взгляд на Пахомову.

— Вы думаете, это из-за квартиры?

— Я ещё не знаю, кто этот человек.

Антон Крылов, стоявший в нескольких шагах, поднял голову.

— Я же говорил, бродячий мог. Там окно на кухне…

— Вы видели, как он вошёл через окно?

— Нет. Я предположил.

— Тогда пока оставим.

В дальнем конце двора женщина в домашнем пальто пыталась пройти под лентой. Полицейский преградил дорогу. Она показывала на верхний этаж: там осталась гладильная доска, ей обещали помочь вынести. Татьяна повернулась к ней всем корпусом, уже открыла рот, но Елена удержала её вопросом.

— Вы знаете мужчину в квартире?

Еремеева некоторое время смотрела на её блокнот.

— Лицо плохо было видно. Когда Даша… Когда она остановилась, я подумала, ему помощь нужна. Я сказала Антону вызвать скорую.

— Это я записала. Вы его знаете?

— Похож.

— На кого?

Татьяна потянулась к Даше. Та шагнула в сторону. Теперь между ними помещался оставленный шарф.

— Таня, не надо, — сказала Даша.

— Дашенька, всё равно выяснится.

— Не называйте меня сейчас так.

Виктор отвёл Крылова к своей машине. Он сделал это без знака Елены, просто открыв перед молодым человеком дверцу и предложив сесть, пока будут проверять документы. Разговор во дворе сразу перестал быть общим.

Пахомова убрала блокнот в карман.

— Татьяна Ивановна. Фамилия человека?

— Костров. Сергей Павлович.

Елена взглянула на Дашу. Та медленно, без выражения, подтвердила фамилию кивком.

— Ваш родственник?

— Отец, — сказала Даша.

За оградой проехал автобус. В его окнах сидели люди; один мужчина повернулся на красно-белую ленту, проводил взглядом полицейскую машину. Автобус свернул, и стало слышно, как наверху хлопает незакреплённая оконная рама.

— Когда вы его видели в последний раз?

Даша не ответила. Еремеева прижала ладонь ко рту, затем опустила.

— Вы не понимаете. Мы его потеряли двадцать лет назад.

— Он считался пропавшим?

— Сначала. Потом суд. В десятом году.

Елена снова достала блокнот.

— Какое решение суда?

На этот раз ответила Даша:

— Объявить умершим. Свидетельство дома. Я могу привезти.

Глава 2

# Двенадцать квартир

К обеду перед домом появился мужчина в рабочей куртке. Он прошёл мимо полицейской машины, приподнял ленту и позвал Дашу.

Патрульный остановил его. Мужчина не отступил, только убрал руку с ленты.

— Я к ней. Вы видите, я без ничего.

— За ограждение нельзя.

— Да я понял. Даша!

Она вышла из машины Кольцова, где давала объяснение. Мужчина сразу потянул её за локоть к своей машине. Она высвободилась.

Елена наблюдала с крыльца первого подъезда. Она не слышала первых слов, но увидела, как он нагнулся к Даше, а та качнула головой. Затем он произнёс достаточно громко:

— Я тебе говорил не ходить одной.

— Я не одна была.

— Я про сегодня вообще.

— Макар, не начинай.

Кольцов подошёл к ним с блокнотом. Он представился и попросил мужчину назвать фамилию. Тот посмотрел на Дашу, словно она должна была объяснить, зачем полиции его фамилия.

— Лебедев. Макар. Мы вместе живём.

— Тогда вы сможете отвезти её домой, когда закончим. Сейчас немного подождёте.

— Она вам что, мало уже сказала?

— Я не знаю, — спокойно ответил Виктор. — Возможно, сама захочет добавить.

Даша отвернулась к машине. Макар остался возле ленты. Он снял рабочие перчатки, сунул их в карман и сразу вытащил обратно, не зная, куда деть руки.

• • •

В первом подъезде можно было разговаривать без ветра. Елена установила у окна небольшой столик, оставленный рабочими. Беляева предупредила, что к восьмой квартире подходить не следует: осмотр ещё продолжался.

Антон Крылов принёс другую папку. Эту не роняли. В ней лежала ведомость помещений с фамилиями прежних владельцев и нанимателей, отметками о передаче ключей, телефонами для связи. Крылов показывал строки карандашом.

— Восьмая на втором этаже, слева. Тут Даша должна…

— Мы только что вышли из восьмой, — сказала Пахомова.

Он моргнул.

— Да. Простите. Я смотрю не туда.

В ведомость подшили старую схему, где номера обозначали позиции в списке. Крылов принял восьмую строку за квартиру. На двери, в которую они вошли утром, сохранился прямоугольник от снятой цифры; сам номер он знал со слов Даши.

Елена раскрыла план этажа. Два подъезда, по две квартиры на площадке. В первом — с первой по шестую. Во втором — с седьмой по двенадцатую. Восьмая справа внизу; девятая этажом выше слева. Татьяна Еремеева жила в девятой.

— Перепроверьте ваши отметки по документам, — сказала Елена. — Не по памяти.

— Все?

— Здесь двенадцать квартир, Антон. Да, все.

Он сел и положил рядом две таблицы. Через несколько минут обнаружил ещё одну ошибку: ключ от шестой приняли, но галочку поставили в строке седьмой. Хозяин шестой подписал расписку, номер на ней оказался правильным. Крылов перечеркнул неверную отметку, расписался возле исправления и протянул лист Елене.

— Я не хотел ничего…

— Вы исправили. Теперь я понимаю, откуда это взялось.

Елена попросила копии ведомости и расписок. Крылов показал, какие листы хранились у него, а какие привезли утром из конторы.

В дверь заглянула женщина в домашнем пальто. Полицейский разрешил ей подойти, убедившись, что разговор ведёт Пахомова. Женщина представилась Галиной Михайловной Седовой, из шестой квартиры.

— Вы скажите этому мальчику: я вчера ключ передала. Вчера, а не сегодня. Он мне сейчас по телефону объявил, что никакого ключа не было.

Крылов показал исправленную строку.

— Разобрались уже. Извините.

— Вам разобрались, а я автобус пропустила. В новой квартире остановка за школой. Я думала, если с утра сюда, успею к врачу.

Она держала в кармане талон и всё время разглаживала бумажку пальцами. Елена спросила, когда она была в доме накануне. Седова уверенно ответила: в четыре. Потом посмотрела на Крылова и поправилась: он приезжал в пятом часу, она ждала с четырёх.

— Что вы делали, пока ждали?

— Доску вынести хотела. Гладильную. Она хорошая, советская. Эти новые шатаются.

— Во второй подъезд заходили?

— Нет. Там чужое. А что случилось-то? Мне сказали, человека нашли. Кто?

Елена пока не назвала фамилию. Попросила Седову вспомнить, были ли во дворе машины и люди. Женщина перечислила белый фургон, подростка на велосипеде, Крылова. Фургон она помнила потому, что он занял дорожку, по которой обычно выносили мусор. Подросток предложил помочь с доской, но она отказалась: не хотела, чтобы он поцарапал стену в новом доме.

— Почему же не забрали?

— Ножка застряла за трубой. Я подёргала и бросила. Уже всё болит.

Крылов поднялся.

— Давайте вынесу, раз всё равно стоим.

— Сейчас нельзя, — сказала Елена.

— Так это первый подъезд.

— Сначала закончим работу с помещениями и доступом. Я не могу одновременно учитывать всех, кто ходит с вещами.

Седова сердито поджала губы. Пахомова взяла её номер, повторила его вслух и обещала сообщить, когда вещи можно будет забрать. Не сегодня, не к определённому часу. Женщина разочарованно кивнула, но талон из кармана больше не вынимала. Крылов записал рядом с её квартирой: «Доска, помочь». Елена попросила отделить эту пометку от сведений о ключах.

Татьяна принесла в подъезд пакет с бутербродами и термос. Елена невольно посмотрела на него внимательнее: большой, стальной, с зелёной крышкой. В квартире стоял другой.

— Извините, я не подумала, что вам неудобно при работе, — сказала Еремеева. — Поставлю в стороне. Там Антон с утра ничего не ел, а у него руки трясутся.

— Вы его давно знаете?

— Неделю. Разве обязательно давно?

Крылов взял бутерброд, не поднимая головы от таблицы. Елена попросила Татьяну сесть напротив.

• • •

Ключ от восьмой Еремеева положила на чистый лист. На кольце висела маленькая пластмассовая бирка с цифрой, выведенной шариковой ручкой.

— Даша дала после переезда. Нужно было счётчики проверить, окна закрыть. Она работает, не может по каждому звонку бегать.

— Когда именно дала?

— В конце сентября. Число по переписке найду.

— Последний раз пользовались?

Татьяна подтянула рукав кардигана.

— На прошлой неделе заходила. Проверяла, всё ли забрали. Но вещи там оставались. Диван этот ещё Иринин. Я ей говорила, пусть Макар вывезет на дачу, хорошие пружины.

— Какой день?

— Не скажу уверенно. Четверг, кажется. Третье.

Елена записала дату без вопросительного знака, затем всё же добавила: «предположительно».

— Вы кого-нибудь впускали?

— Сантехника раньше. Когда перекрывали. При нём была. Ещё оценщик приходил, но это давно, Даша сама.

— После переезда.

Еремеева посмотрела на ключ.

— Сергей попросил, когда приехал. Сказал, поживёт несколько дней. Я растерялась.

Она произнесла это быстро, пока Елена не задала следующий вопрос.

— Когда приехал?

— В четверг. Значит, третьего и было. Позвонил. Я голос узнала, но не поверила. Он смеялся: «Ты всё такая же». Я ему сказала, что так не делают.

— Что именно?

— Не пропадают. Не оставляют ребёнка. А потом не звонят как за солью.

— Почему не сообщили полиции?

— Он сказал, сам разберётся с документами. И Даше скажет сам. Я не могла за него...

Она остановилась, увидев выражение лица Пахомовой.

— Вы могли дать ему ключ от чужой квартиры, — сказала Елена.

— От его квартиры. Простите. Я знаю, что теперь Дашина. Но он там жил, Ирина там жила. Я не сообразила, что надо прежде спросить.

На лестнице скрипнула ступень. Крылов поднялся поправить окно, но, почувствовав, что мешает, вернулся к столу.

— Как ключ вернулся к вам?

— Я его впустила. Открыла, оставила его там, ключ забрала. Дальше у него свой был, старый. По крайней мере, так сказал.

— Вы проверяли?

— Нет.

— Вчера видели Сергея?

— Нет. Вчера я была в помещении, у нас еда на понедельник. С Аллой. Она подтвердит.

Елена попросила записать номер Аллы. Затем предупредила, что ключ потребуется для проверки, и объяснила, как оформят его передачу. Татьяна согласилась, но спросила, сможет ли забрать у Даши материнские бумаги, которые ещё остались в коробке.

— Пока в квартире ничего не забирают.

— Я понимаю. Просто Даше сейчас не до этого, потом выбросят вместе с мусором.

— Не выбросят.

Татьяна кивнула и повернулась к Крылову:

— Антоша, ты слышал? Бумаги отдельно. Я ещё раз приеду.

• • •

Даша отказалась возвращаться в подъезд. Они с Пахомовой сели на заднее сиденье служебной машины, оставив дверь открытой. В салоне пахло свежей тряпкой; на полу лежала забытая упаковка от детского сока.

— Татьяна Ивановна знала, что отец вернулся, — сказала Елена.

— Вы уже с ней говорили.

— Я сейчас говорю с вами.

Даша провела ладонью по мокрому пятну на штанине. Ткань почти высохла.

— Она мне сказала, что он объявился. Я не хотела верить.

— Когда сказала?

— На прошлой неделе.

— Вы сами с ним разговаривали?

— Он писал.

Елена дождалась продолжения. Даша смотрела перед собой, туда, где Макар уговаривал полицейского разрешить ему подойти.

— Покажете?

— Не сейчас.

— Почему?

— Потому что я пока даже не понимаю, что вы у меня спрашиваете. Был у меня отец или нет? Я видела человека, похожего на него. Я его двадцать лет не видела.

Последнюю фразу она произнесла отчётливо. Елена отметила её, не стала сразу спорить с тем, что Даша прежде назвала погибшего отцом.

— Нужно установить личность. У вас сохранились фотографии?

— Дома. У мамы были альбомы.

— Привезите несколько снимков. И документы о решении суда. Мы получим материалы отдельно, но ваши помогут быстрее проверить сведения.

— Вы хотите, чтобы я туда ещё раз пошла?

— Сегодня нет. Позже потребуется опознание. Я расскажу, как оно проходит.

Даша качнула головой.

— Не могу.

— Хорошо. Вернёмся к этому.

— Почему хорошо? Вы говорите, будто я анализ не сдала.

Елена закрыла блокнот. Она действительно сказала «хорошо» тем же голосом, которым принимала сообщение о задержавшейся машине.

— Я не буду заставлять вас смотреть сейчас. Но нам потребуется ваш ответ. И он может быть «не уверена».

— Я уверена, что не хочу.

Они посидели молча. С улицы донёсся голос Макара: «Виктор Петрович, ну скажите вы ей». Кольцов ответил, что Даша сама скажет, когда будет готова.

— Квартира переоформлена на меня, — произнесла она. — Новая тоже. Я ничего не подделывала.

Елена подняла голову.

— Кто говорит, что вы подделывали?

— Никто пока.

— Мы занимаемся обстоятельствами смерти. Право на квартиру не исчезает от моего вопроса.

Даша вдруг рассмеялась, коротко и сердито.

— А от его появления исчезало? Мне все теперь будут говорить, что не надо думать о деньгах. Это не деньги, это где я сплю. Где мамины вещи. Я всю жизнь собирала бумажки, чтобы никто не сказал, что я заняла чужое.

Елена спросила, кто объяснял ей возможные последствия возвращения отца. Даша не назвала человека. Сказала только, что умеет читать.

Пахомова не стала усиливать нажим. Она попросила пока ничего не удалять из телефона и не выбрасывать из вещей, даже если записи кажутся личными или неприятными. Даша ответила:

— У меня нет привычки всё выбрасывать.

• • •

Кольцов терпеливо слушал Макара уже десять минут. Тот успел рассказать о расселении, неработающем лифте в новом доме и мужчине, который пришёл через двадцать лет требовать неизвестно чего.

— Откуда знаете, что требовать? — спросил Виктор.

— А зачем ещё приходят?

— Может, поздороваться.

Макар посмотрел на него с раздражением.

— Я вам не мальчик.

— Вот и не отвечайте вопросом на вопрос. Вы с ним говорили?

— Нет.

Елена подошла как раз в этот момент. Макар увидел её и сменил тему: Даше плохо, её надо отпустить, она с ночи на ногах. Даша поправила его: сегодня у неё дневная смена.

Он замолчал. Она попросила отвезти её домой за документами, а потом вернуться. Кольцов объяснил, кому позвонить, если планы изменятся.

Перед тем как сесть, Даша вернулась к Пахомовой.

— Завтра я смогу. То, о чём вы говорили.

— Опознание?

— Да. Только Татьяну со мной не надо. Я сама выберу, с кем приехать.

Елена записала её просьбу. Даша посмотрела на движение ручки и впервые за разговор немного расслабила плечи.

Когда они уехали, Татьяна уже договаривалась с водителем микроавтобуса о пожилой соседке. Та просидела у магазина больше часа, пытаясь добиться своей гладильной доски. Еремеева дала ей пакет с едой, объяснила, что вещи вынесут позже, и сама помогла подняться на высокую ступень.

— Она весь дом на себе тянула, — сказал Кольцов.

— И ключи собирала, — ответила Елена.

— Одно другому не мешает.

Пахомова посмотрела на план. Двенадцать квартир, двенадцать строк. Две ошибочные отметки уже исправили. Возле восьмой она вписала фамилию Кострова и поставила вопросительный знак — теперь уже намеренно.

Глава 3

# Памятник без могилы

На копии судебного решения стояла дата, которую Елена перепроверила дважды. Две тысячи десятый год. Не опечатка и не документ на другого Кострова: совпадали отчество, год рождения, адрес на Заводской.

Даша принесла бумаги в прозрачном конверте с застёжкой. Внутри лежали свидетельство о смерти, старые справки и фотография отца, снятая на заводской проходной. Он стоял возле стены, щурился, держал в руках свёрнутую газету. На обороте Ирина Кострова написала: «Серёжа. Сорок лет».

— Мама всё собирала, — сказала Даша. — Здесь должны быть копии. Оригиналы не забирайте без расписки.

— Не заберу.

Елена предложила ей сесть. Даша сняла куртку, свернула и положила на колени. Под ней сегодня был обычный серый свитер.

В решении речь шла об отсутствии сведений о месте пребывания. Не об установлении личности найденного тела. Последнее известие было связано с письмом, полученным женой в ноябре две тысячи четвёртого. После этого достоверных сведений не имелось. Елена остановилась на этой строке.

— Письмо у вас?

— Какое?

Она развернула лист к Даше. Та прочла, взяла за угол, перечитала.

— Не знаю. Мама мне не показывала.

— Вы слышали о нём позже?

— Мне было одиннадцать. Потом говорили, что всякие люди пишут. Что он мог попросить кого-нибудь. Я не понимала. Вы же получите дело?

— Запросили. Розыскные материалы — отдельно. Судебное дело — отдельно. Это не одна папка.

Даша аккуратно совместила края листов.

— Я думала, вы сейчас скажете, что всё неправильно оформлено.

— Пока я вижу решение суда.

— Он тоже говорил: решение можно отменить.

Елена подняла глаза. Даша заметила это и сразу отвернулась к окну.

— Вы разговаривали?

— Я вчера сказала. Он писал.

Пахомова не стала поправлять её. Попросила показать сообщения, о которых они уже говорили, и объяснила, что именно нужно зафиксировать: номер отправителя, содержание обращения, даты. Всё остальное сейчас её не интересовало.

Даша некоторое время держала телефон экраном вниз.

— Там есть личное.

— Если запись потребуется для дела, оформим. Сначала скажите, готовы ли вы её показать.

— Готова. Только не читайте вслух.

Она сама открыла переписку. Первое сообщение пришло третьего октября. Незнакомый номер, короткое «Даша, это папа». Затем фотография мужчины возле автостанции. Он держал телефон низко; часть лица перекрывала тень.

Елена не стала рассматривать следующие окна, пока Даша не прокрутила их сама. Четвёртого они договорились созвониться. Пятого утром появилась строка: «Буду внутри, у дальнего окна». Ниже, уже вечером: «Ты не дала мне закончить».

— Где дальнее окно? — спросила Елена.

Даша закрыла глаза.

— В «Чайке».

• • •

Пока оформляли добровольно представленные сведения, за дверью спорили о принтере. Кто-то вынул из него нужный картридж и поставил в соседний кабинет. Сотрудница трижды повторила фамилию того, кто последний печатал. Даша прислушивалась к этому разговору с таким вниманием, что Елена наконец прикрыла дверь плотнее.

— Когда встретились?

— В субботу. В час. Пятого числа. Я пришла раньше, а он уже сидел.

— Почему вчера сказали, что не видели его двадцать лет?

— Потому что я не хотела рассказывать, как он попросил у меня денег.

Она посмотрела на Пахомову сердито, ожидая следующего вопроса. Елена позволила ей ждать несколько секунд.

— Расскажите с начала встречи.

Даша сняла резинку с волос, затем снова собрала их. Пальцы слушались плохо; прядь осталась возле щеки, и она не стала поправлять.

Отец встал, когда она вошла. Он был меньше, чем запомнился, хотя Даша выросла не особенно высокой. Попробовал обнять. Она подала руку. Сергей пожал её, сказал: «Ты совсем Ира». Даша ответила, что Ирина умерла шесть лет назад.

— Он знал, — сказала она. — По лицу поняла. Но всё равно изобразил, что ему тяжело это услышать. Может, и было тяжело. Мне от этого лучше не стало.

Он заказал чай и два пирожка. Даша не ела. Сергей разломил свой, посмотрел на начинку и пожаловался, что раньше в этой столовой делали с мясом, а теперь непонятно с чем.

— «Чайка» ведь раньше была столовой? — уточнила Елена.

— Да. Он там обедал. Мы с мамой тоже приходили. По воскресеньям, когда она красила пол или стирала большие

вещи. Мне нравилось, что поднос скользит по рельсам. Он про это вспомнил.

Даша сжала куртку на коленях.

— Я ненавидела его в ту минуту. Он мог сказать что угодно. А сказал про поднос.

Сергей объяснял, что в две тысячи четвёртом запутался с деньгами. Взял то, чего брать не следовало. Потом испугался людей, которым задолжал. Елена спросила, называл ли он их. Даша покачала головой: она не дала ему развивать эту тему, сказала, что он рассказывает удобную историю человеку, который не может проверить.

— Он разозлился. Спросил, откуда я знаю, что не могу. Потом сказал, что теперь всё другое, можно разобраться. Он хочет вернуть имя.

— И деньги?

— На документы, на жильё, на адвоката. Так перечислил. Будто я должна выбрать, за что заплачу. Я сказала, у меня нет. Он спросил про квартиру.

Елена попросила воспроизвести слова точнее. Даша не сразу сумела. Отец не заявлял, что немедленно выселит её. Он сказал, что прежний дом принадлежал и ему, что нельзя сделать вид, будто его доли никогда не было. Даша услышала угрозу. Елена записала обе части отдельно: то, что прозвучало, и то, как это поняла дочь.

— Вы его этим защищаете? — спросила Даша.

— Проверяю слова.

— Я знаю, как он сказал.

— Тогда помогите мне сохранить это правильно.

Даша взяла лист, прочла запись, добавила одну фразу: «Мы все имеем право начать сначала». Возле неё остановилась.

— Вот это было. Он сказал «все». Мама восемь лет меняла работу, чтобы с ним по долгам не таскаться. Умерла, так и не начав ничего сначала.

— Макар знал о встрече?

— Я сказала вечером.

— Как отреагировал?

— Как Макар. Сначала начал всё решать. Потом обиделся, что я не разрешаю.

— Он встречался с Сергеем?

Даша подняла подбородок.

— Мне не говорил.

— А Татьяна Ивановна знала, о чём вы говорили в кафе?

— Не от меня. Она дала ему мой номер. Я сказала ей спасибо за заботу. Наверное, слишком громко.

Елена попросила не предупреждать людей о вопросах, которые она будет им задавать. Даша усмехнулась:

— Мне сейчас вообще не хочется никому звонить.

• • •

Кольцов вернулся из кафе к двум. Он ещё не приносил окончательных выводов, только сведения, которые предстояло закрепить: сотрудники видели Дашу с мужчиной, оплата прошла по её карте, время совпадало с рассказом. Камера смотрела на кассу, дальнее окно в неё не попадало. Владелец согласился сохранить запись и предоставить её в установленном порядке.

— Она не оправдывалась? — спросил Виктор.

— Признала встречу.

— После того как показала телефон?

— Да.

Он поставил на край стола стакан кофе. Елена посмотрела на него, но не взяла.

— Ты считаешь, я её прижала?

— Я считаю, что она приехала со свидетельством о смерти отца, которого второй раз нашли мёртвым. Только в первый раз без тела. У неё там всё не по нашим графам.

— Она солгала на прямой вопрос.

— Конечно. Это я и не оспариваю.

Елена подвинула кофе к себе. Он успел остыть. Виктор рассказал, что поговорил с сотрудницей кладбищенской

администрации: потребуется письменный запрос, но пока никаких оснований говорить о захороненных останках нет. Даша сама сказала, что памятник стоит на семейном участке, рядом с могилой матери; запись о Сергее появилась раньше.

— Соседка мне сегодня уверенно: «Я у них на похоронах была», — добавил он. — Стали вспоминать — на поминках. Люди в квартире сидели, фотография на столе, все плакали. Для неё похороны.

— Фамилию записал?

— Записал. И то, что сама потом поправилась.

Елена ещё раз посмотрела на судебное решение. Шесть лет между последним известием и объявлением умершим. На обороте листа проступала синяя печать; Даша подложила под решение фотографию отца, чтобы оно не помялось в конверте.

— Найди Зорина, — сказала она. — Кто вёл материал в четвёртом. Пусть вспомнит, где дело и что осталось.

— Сначала архив.

— Да. Сначала архив. Его память не должна выбирать нам документы.

Кольцов допил свой кофе и взял со стола фотографию Кострова. Положил рядом изображение мужчины у автостанции. Сорокалетний Сергей смотрел прямо, новый держал подбородок чуть в сторону. Виктор развернул снимки одинаково.

— Похож. Но будем устанавливать.

Виктор убрал фотографии в отдельную папку и задержался у двери.

— У проходной снимок сделан. Там справа раньше доска почёта висела. Я попрошу заводских посмотреть, кто с ним работал.

— Родственникам о возвращении он мог не сказать. Коллегам тоже.

— Поэтому и спрошу, а не буду рассылать по городским группам.

На столе зазвонил телефон. Начальник отдела хотел знать, появилась ли достоверная фамилия погибшего. Елена ответила, что опознание ещё впереди. На том конце спросили, откуда тогда в местном паблике взялся «воскресший мертвец».

Она открыла присланную ссылку. На фотографии была Даша у подъезда. Лицо не закрыли, зато номер дома обвели красным. В подписи кто-то уже объяснял, что дочь тайно поселила отца, чтобы получить две квартиры.

— Сообщим подтверждённое через пресс-службу, — сказала Елена. — Про две квартиры — выдумка.

После звонка она попросила Кольцова выяснить, кто снимал у оцепления, и передала сведения сотруднику, который готовил официальное сообщение. Изъять из чужих телефонов чужое любопытство было невозможно. Но оставлять единственным источником историю о мошеннице Даше она не собиралась.

Виктор смотрел на фотографию дольше, чем требовалось для подписи.

— Куртка его, — сказал он. — Рабочая. В воротнике нитка. Он в такой и на проходной стоял. Помню теперь.

— Ты был знаком?

— Здоровались. Не больше. У нас полгорода так знакомы.

Он отдал телефон и вышел. Елена закрыла страницу, вернула на стол фотографию сорокалетнего Сергея и начала готовить документы для процедуры.

• • •

В морг Даша приехала без Макара. Сказала, что попросила его остаться на работе. Елена не стала уточнять, удалось ли попросить спокойно.

До процедуры они говорили о признаках, которые Даша помнила. Фотографии были отложены. Даша назвала старый рубец на правой кисти, повреждённый мизинец, родинку возле уха. Потом замолчала.

— Мизинец он на заводе прищемил. Я маленькая была. Он перчатку надевал, а палец не сгибался до конца. Я просила показать.

— Что ещё?

— Больше ничего надёжного.

Елена записала именно так. Оформление казалось Даше слишком долгим. Она дважды поднималась со стула, спрашивала, нельзя ли просто зайти, но, когда всё было готово, сама попросила минуту.

Савельев встретил их у двери. Объяснил, где стоять, что будет видно и что можно попросить остановиться.

Даша смотрела недолго. Сначала на лицо, потом на руку. Елена стояла так, чтобы не закрывать ей свет.

— Сергей Павлович Костров, — сказала Даша. — Мой отец.

Она назвала признаки. На последнем у неё сорвался голос, но плакать она не начала. Попросила закрыть лицо. Когда вышли, долго вытирала ладони бумажным полотенцем, хотя ни к чему не прикасалась.

Пахомова объяснила, что дополнительно проверят личность по документам и назначенным исследованиям, что фотографии и опознание не отменяют других способов. Даша выслушала, спросила, потребуется ли её образец для генетического сравнения, и согласилась пройти процедуру, когда оформят необходимые документы.

— Это не будет сегодня? Результат?

— Нет. И обещать точный день я не могу.

— Хорошо.

На улице Даша обнаружила, что потеряла перчатку. Они вернулись в коридор. Перчатка лежала под стулом, где она ждала. Елена подняла её и отдала. Даша засунула обе в карман.

— Я ему за чай заплатила, — сказала она вдруг.

Елена ничего не ответила.

— Он полез в карман, а я сказала: не надо. Я не хотела быть ему должна даже за чай. А теперь всё время думаю, почему не дала.

Пахомова спросила, вызвать ли ей машину. Даша покачала головой: пройдёт до остановки. Потом сама попросила проводить её через двор. До остановки, не дальше.

Они шли рядом. Возле ворот мужчина разгружал ящики и на секунду загородил проход. Увидел их, молча отодвинул тележку. Даша поблагодарила его обычным голосом.

Елена осталась у ворот, пока автобус не подъехал. Дочь человека, которого только что опознала, поднялась по ступенькам, приложила карту и прошла к свободному месту. За стеклом она сразу достала телефон. Кому Даша набрала, Пахомова не видела.

Глава 4

# После половины седьмого

Макар Лебедев пришёл в отдел восьмого октября без опоздания, но остановился за дверью, чтобы дослушать голосовое сообщение. Елена слышала только его ответ:

— Ничего не делай. Я сам.

В кабинете он положил телефон экраном вниз и сел, не расстегнув куртку. На правом рукаве тянулась полоса серой пыли. Кольцов предложил ему повесить куртку; Макар отказался.

— Даша в порядке? — спросил он.

— Вы с ней разговаривали?

— Утром. Она сказала, что поедет сюда. Потом в морг. Я хотел с ней.

— Она решила ехать одна.

— Знаю.

Он произнёс это так, будто Елена присвоила себе чужую заслугу. Пахомова открыла блокнот. Вызов касался конкретного промежутка воскресного вечера; до объяснений ему разъяснили права. Макар слушал внимательно, иногда переводя взгляд на Кольцова. Когда речь зашла о возможности не свидетельствовать против себя, он спросил, уже ли его обвиняют.

— Нет, — ответила Елена. — Мы выясняем ваши действия.

— Тогда спрашивайте.

Вчера он сказал, что с Костровым не разговаривал. Сегодня повторил это. Шестого октября после дневной смены был дома, возился с проводкой на кухне. Даша ещё не перевезла все коробки, до розетки приходилось добираться через мешки с одеждой.

— В новой квартире?

— Да.

— Всё время?

— Выходил за продуктами.

— Во сколько?

Макар задумался, провёл ладонью по подбородку.

— Часов в шесть. Может, позже. Я на часы не смотрел.

Кольцов попросил назвать магазин. Макар назвал тот, что возле нового дома. Виктор записал название, хотя знал его.

— Чек остался?

— В телефоне платил. Посмотрите, когда надо.

Пахомова подвинула к нему фотографию. Не тела. Кадр с камеры возле Заводской: мужчина в тёмной куртке идёт вдоль фасада, в руке небольшой пакет. Лица почти не видно. Макар не стал наклоняться.

— Вы? — спросила Елена.

— Похоже.

— Узнаёте свою куртку?

Он посмотрел на рукав.

— Куртку узнаю. Лица тут нет.

— Поэтому я спрашиваю вас.

Макар медленно отодвинул фотографию. Кольцов ничего не сказал, и тишина затянулась. В коридоре провезли тележку с коробками; на неровном полу она загрохотала, словно в доме открыли старый лифт.

— Я к нему заходил, — произнёс Макар.

• • •

Виктор доехал до магазина ещё днём, пока Лебедев ехал в отдел. Владелец встретил его у двери с пакетами для мусора. Он ждал, что полицейский заберёт весь регистратор, и заранее считал, во сколько обойдётся простой.

— Если кассу закроете, людей распустите сами, — сказал он. — У меня две женщины по сменам. Им ваши объяснения не помогут.

Кольцов объяснил, какие записи сейчас нужны и кто оформит их получение. Владелец немного успокоился, отвёл его за прилавок. На мониторе было четыре маленьких окна, в

одном покупательница никак не могла сложить большой пакет в маленькую сумку. Соседнее показывало улицу.

Продавец уже приготовил рассказ: мужчина выскочил из двора, был красный, злой, чуть не разбил терминал. Но на вопрос, какое именно движение означало «чуть не разбил», замялся.

— Ну, телефон вот так положил.

Он показал. Получилось обычное резкое касание.

— Ругался? — спросил Виктор.

— Нет. Извинился потом.

— За что?

— За телефон. Я сказал, экраном приложите, а он другой стороной. Перевернул. Нормально всё прошло.

Кольцов не стал смеяться. Попросил рассказать с того момента, как человек вошёл. Постепенно из рассказа исчезли выбегание, красное лицо и угроза терминалу. Остались усталый мужчина, вода, хлеб и помощь с упавшей коробкой. Сам продавец заметил, как изменился его рассказ, и начал оправдываться: ему уже сказали, что в доме нашли убитого.

— Кто сказал?

— Да все говорят.

Виктор записал, что свидетель действительно наблюдал, а чего не видел. После этого показал фотографии без отметок и подсказок. Макар оказался тем самым покупателем. На следующий формальный разговор продавец согласился, хотя спросил, долго ли это займёт.

У выхода владелец протянул Кольцову пакет с батоном, забытый покупательницей.

— Это не вам. Отнесите, если догоните. В сером пальто.

Женщина стояла у остановки. Виктор вернул пакет, выслушал удивлённую благодарность и только потом поехал в отдел. Перед отъездом он ещё раз сверил номер продавца: вызывать свидетеля через владельца магазина не хотелось. Продавец ответил на проверочный звонок сразу, спросил, не

требуется ли что-нибудь ещё. Виктор попросил сохранить чек и не обсуждать рассказ с другими покупателями.

• • •

Камера магазина видела тротуар и часть дорожки между двумя домами. В подъезд её объектив не заглядывал. Время на записи проверили по известному событию с чеком и контрольной записью; заметного смещения не обнаружили. Около шести десяти Макар прошёл к Заводской, примерно в шесть тридцать пять появился в обратном направлении.

Вторую часть пути подтвердил продавец. Лебедев купил хлеб и бутылку воды. Был раздражён, долго не мог приложить телефон к терминалу, хотя терминал работал. Продавец запомнил покупку потому, что Макар извинился и помог поднять коробку, которую другой покупатель задел ногой.

Елена не пересказала ему все эти сведения сразу. Предложила самому восстановить маршрут.

Макар сказал, что сначала направился в новый дом, потом передумал. Он знал, где остановился Сергей: Даша обмолвилась об этом в субботу. Дверь восьмой квартиры открылась после второго стука. Костров был в рубашке и старых домашних брюках, без обуви.

— Вы пришли говорить о Даше?

— О том, чтобы он от неё отстал.

— Что это означало?

Макар посмотрел на Кольцова.

— Вот представьте: человек двадцать лет где-то катался. А теперь приходит и считает квадратные метры. Ему там, видно, не хватило.

— Вы знаете, где он был? — спросила Елена.

— Нет. Я так сказал.

— Дальше.

Сергей не пустил его сразу. Спросил, кто такой, откуда взялся, почему вместо дочери пришёл посторонний. Макар назвал себя. Костров усмехнулся и отступил от двери.

— Он всё повторял: «Ты ей кто?» Я сказал: человек, который рядом. Он: «Сегодня рядом, завтра нет». И о матери её заговорил. Будто они с Ириной вдвоём решили, а мы ничего не понимаем.

Макар сжал руки между коленями. Большой палец заходил под ноготь другого пальца и с силой тёр кожу.

— Вы его ударили?

— Толкнул.

— Куда?

— В грудь. Обеими руками. Он ко мне близко подошёл. Я сказал, чтобы отступил.

— Он упал?

— Нет. В диван упёрся ногой, сел. Потом встал.

— Сразу?

— Я не засекал. Встал. Сказал, что я в его доме. Я ответил, что это уже Дашин дом. Потом ушёл.

Пахомова попросила описать, что он видел в квартире. Стол, диван, подоконник с коробками, мешок с какой-то мелочью возле двери. Костров пил чай. Макар не помнил, стоял ли второй стакан. Не заметил крови. Про очки сказал, что Сергей держал их в руке, когда открывал, потом куда-то положил.

— После толчка вы видели его стоящим?

— Да.

— Где именно?

Макар указал на фотографию общего вида, которую ему показали без изображения погибшего: между столом и диваном. Затем убрал руку.

— Я хочу с адвокатом дальше поговорить.

Елена закрыла блокнот. Макар достал телефон и сам нашёл номер. Кольцов вышел вместе с ним в коридор, показал свободную скамью, где можно было говорить без слушателей.

Когда Виктор вернулся, Пахомова уже смотрела последовательность кадров ещё раз. Последний уходящий человек в тёмной куртке на секунду обернулся. Она остановила запись.

— Почему солгал? — сказала она.

— Потому что его уже спрашивали про драку, которая кончилась сроком.

— Я не спрашивала.

— Он помнит и без тебя.

— Это не ответ на вопрос о вчерашнем вечере.

— Согласен. Но и сегодняшний испуг не доказывает, чем тот вечер кончился.

• • •

Савельев перезвонил после пяти. Елена включила громкую связь только после его согласия и предупредила, что рядом Кольцов.

— Предварительно смерть связана с травмой головы, — сказал Михаил. — Есть повреждения, которые требуют раздельной оценки. Заключение будет после необходимых исследований. Я сейчас не назову вам ни число ударов окончательно, ни предмет из вашей фотографии.

— Диапазон времени?

— Вечер шестого с возможным переходом на ночь. Условия в квартире, одежда, холод — всё учитываем. Сужать до получаса по телефонному разговору не стану.

— Если человека толкнули, он сел на диван, потом встал и говорил?

— Вы хотите, чтобы я исключил всё остальное одним предложением?

— Хочу понять, что можно проверить.

— Тогда нужны характер повреждений, следы на месте, положение предметов, показания. Пришлите точное описание действий. Без «кажется, сильно».

Елена записала и отметила, какие материалы нужно передать Савельеву.

После разговора Кольцов заметил, что в комнате стало темно, и включил верхний свет. На экране остановленного видео куртка Макара сделалась почти чёрной.

— Надо проверить дальше половины седьмого, — сказал он. — Не только его покупки. Кто видел или слышал самого Кострова.

— Его телефона нет.

— У тех, кому он звонил, телефоны могут быть.

Елена передала поручение продолжить поиск контактов. Старые заводские знакомые были одним из направлений, хотя рассчитывать, что Сергей спустя двадцать лет сразу всем объявился, было нельзя. Отдельно проверяли обращения к подрядчику, соседям, юридической конторе. Пока это были места, куда человек мог прийти, а не готовый список его последних часов.

На пороге появился Макар с адвокатом. Куртку он наконец снял. Продолжили после оформления участия защитника. Лебедев повторил рассказ о толчке и уходе, уточнил, что Сергей вслед сказал: «Не тебе решать». Угрозы смерти, по его словам, не было. Собственные слова Макар сначала передал как «больше не приходи», затем поправился: сказал «не подходи к ней». Елена внесла поправку и дала прочесть запись целиком.

Подпись он ставил медленно, прижимая край листа ладонью.

• • •

Даша ждала его у отдела. Елена увидела её из окна, когда возвращала документы в папку: серый свитер под расстёгнутой курткой, бумажный пакет из аптеки. Даша что-то сказала Макару, и он потянулся к пакету. Она убрала руку за спину.

Слов Пахомова не слышала. Она могла бы закрыть жалюзи и закончить работу, но ей нужно было передать Даше номер для связи по процедуре получения тела. Вопрос ещё не был решён, и сегодня обещать выдачу было нельзя. Елена взяла карточку и вышла.

— Почему ты мне не сказал? — спросила Даша, когда она приблизилась.

Макар увидел следователя и замолчал.

— Продолжай, — сказала Даша. — Или при ней нельзя? Ты же теперь за меня говоришь официально.

— Я не за тебя говорил.

— Ты в мою квартиру пошёл. С моим отцом разбираться.

— Он тебя шантажировал.

— Я тебе сказала, что мне было мерзко. Это не заявление, что меня надо спасать.

Макар оглянулся на проходившую женщину. Понизил голос:

— Даш, не здесь.

Она тоже посмотрела на прохожую и перестала говорить. Елена подала карточку, объяснила, кто сообщит дальнейший порядок. Даша выслушала её, дважды кивнула, затем спросила:

— Его задерживают?

— Сейчас нет.

— Хорошо.

Макар шагнул к ней, будто это слово относилось к нему, но Даша отвернулась.

— Я не знаю, что было после его ухода, — сказала Пахомова. — Мы проверяем.

— А до ухода?

— Часть сведений Макар сообщил сам. Остальное пока не могу обсуждать с вами.

Даша посмотрела на его руки. Он спрятал их в карманы.

— Ты его ударил?

— Толкнул. Он был жив, когда я ушёл.

Она прикусила губу. Елена почувствовала, что задержалась между ними дольше нужного. Попрощалась и отошла к двери.

— Я сегодня у себя останусь, — услышала она.

— Мы же вместе живём.

— Вот сегодня не вместе.

Макар не пошёл следом, когда Даша двинулась к перекрёстку. Стоял возле машины и держал ключи за металлическое кольцо. Потом догнал её, но остановился на расстоянии шага. Достал из кармана маленькую белую коробку, показал. Даша взяла её. Елена не могла прочитать название.

Разговора они не возобновили. Макар вернулся к машине один.

В кабинете Кольцов собирал листы с фотографиями. Елена сказала, что после разговора с адвокатом Лебедев согласился предоставить вещи для оформленного исследования. Виктор кивнул и попросил записать ещё одно поручение: проверить не только магазин возле старого дома, но весь подтверждаемый путь до новой квартиры.

— Чтобы исключить возвращение? — спросила она.

— Чтобы знать, было ли возвращение.

Елена убрала остановленный кадр с экрана. Вместо мужчины у подъезда открылся список ещё не отвеченных запросов. Внизу стояло: «Контакты погибшего после 18:35».

Глава 5

# Сначала поешь

У «Соседской помощи» не было вывески над дверью. На стекле висел лист, вложенный в прозрачный файл: продукты принимаются только в закрытой упаковке, домашние консервы не приносить. Ниже от руки дописали, что детские вещи пока не нужны. Слова «пока не» кто-то подчеркнул дважды.

Утром девятого октября Елена застала перед входом мужчину с двумя мешками. Он убеждал Татьяну Ивановну взять детскую кроватку. Еремеева стояла на ступеньке, удерживая дверь локтем; в руках у неё была кастрюля с крышкой.

— Валер, мне некуда её ставить. Я тебе ещё вчера сказала.

— Так людям же надо. Она хорошая. Мы внуку покупали.

— Хорошая. А пройти как? Видишь дверь? Если её загородить, Зина со своей ходункой сюда не попадёт.

Мужчина заглянул внутрь, сердито подтянул мешки и спросил, куда девать кровать. Татьяна назвала другую организацию, где принимали мебель, велела сначала позвонить. Потом заметила Пахомову.

— Вы к нам. Проходите, только на пороге осторожнее: плитка отходит. Сначала поешьте, у нас как раз горячее.

— Я по делу, Татьяна Ивановна.

— По делу голодной тоже не надо.

Она внесла кастрюлю в маленькую кухню. Елена последовала за ней, стараясь не задеть коробки с крупой. Помещение занимало первый этаж пристройки к бывшему бытовому комбинату. В передней комнате стояли два стола, шкаф с обувью и стойка, на которой висели куртки. За дверью с надписью «служебное» виднелся узкий проход. Оттуда несло холодом и хозяйственным мылом.

Женщина в клетчатом фартуке раскладывала по контейнерам картофель. Татьяна представила её Аллой, волонтёром. Фамилию та назвала сама — Кузнецова, без отчества, и сразу спросила, не потребуются ли им паспорта.

— Для начала поговорим, — сказала Елена. — Где можно сесть, чтобы вам не мешать?

Алла показала на дальний стол, но туда уже направлялась посетительница с двумя тростями. Татьяна переставила стул, взяла у неё сумку, вытащила из кармана свёрнутую бумагу.

— Опять вам только таблеток написали? Я же сказала: попросите направление.

— Я попросила.

— Значит, не так попросили. Давайте после раздачи позвоню.

Женщина хотела забрать бумагу, но Татьяна уже положила её под настольный календарь.

— Сначала сядьте. Аллочка, ей без соуса.

Пахомова подождала, пока посетительница устроится. Та сидела у края стола, придерживая пустую сумку, и смотрела на календарь. Через минуту Татьяна вернула ей направление со словами, что там всё-таки нужный кабинет и звонить пока не надо. Женщина заметно расслабилась.

— Теперь можно, — сказала Еремеева следователю.

Но у стойки с одеждой пожилой мужчина уронил вешалку. Он стоял в одной рубашке: рука не проходила в рукав куртки, которую ему подобрали. Алла попробовала помочь, мужчина отстранился.

— Не надо. Я сам. Тут подкладка зашита.

Елена подняла вешалку. Подкладка действительно перекрутилась у плеча, но расправить её через узкий рукав не получалось. Татьяна достала из шкафа другую куртку, серую, с коротким воротником.

— Эту попробуйте.

— Она хорошая. Мне бы попроще.

— Хорошую носить будете. Руки поднимите.